УЧАСТІЕ ЗАПОРОЖСКИХЪ КОЗАКОВЪ ВЪ ХОТИНСКОЙ ВОЙНѢ.

Мы заимствуемъ это изъ Записокъ о Хотинской войнѣ Якова Собѣскаго, участвовавшаго въ оной въ качествѣ Комиссара. Яковъ Собѣскій (Янина), о которомъ гдѣ-то сказано: linguâ in consilio valet, in certamine dextrâ, былъ женатъ на дочери Яна Даниловича, воеводы русскаго, и отъ брака этого имѣлъ сына славнаго Яна III, Короля Польскаго. Яковъ Собѣскій былъ человѣкъ, пользовавшійся въ свое время отличнымъ уваженіемъ, разсудительный, глубокомысленный. Нѣсецкій, описывая лица и дѣянія времени Сигизмунда и Владислава IV, во многихъ мѣстахъ беретъ у него цѣлыми страницами. Хотя въ Ис-

торіи Малой Россіи Бантышъ-Каменскаго (примѣч. 137 къ 1 тому) и говорится, ссылаясь на Нѣсецкаго (т. IV стр. 148, 149 и 152), что Яковъ Собѣскій описаніе Хотинскаго похода напечаталъ, но оно собственно напечатано было послѣ его смерти издателемъ Ферштеромъ въ 1646 г. въ Данцигѣ подъ заглавіемъ Commentariorum Chotinensis belli libri tres, auctore Jacobo Sobiesky. Въ этой войнѣ Запорожскіе Козаки принимали самое дѣятельное участіе, на ихъ отважную храбрость Поляки полагали всю свою надежду, какъ видно изъ повѣствованія Собѣскаго. Отдѣляя истину отъ *племеннаго пристрастія* автора, можно легко усмотрѣть, что онъ говоритъ или испытанное имъ самимъ, или видѣнное, или дознанное отъ людей достовѣрныхъ. Если, по врожденному человѣческому чувству, мы съ любопытствомъ и страстію пробѣгаемъ страницы сказаній о *дѣяніяхъ народныхъ*, и на-

родовъ чуждыхъ и давноминувшихъ въ чувствѣ своемъ не отдѣляемъ отъ себя, но какъ бы связываемъ ихъ судьбу съ жребіемъ нашимъ: то сколь-же любопытнѣе и цѣннѣе для насъ слѣдить за дѣяніями и жизнію тѣхъ поколѣній, которыя съ нами составляютъ единое цѣлое! Высочайше утвержденная Кіевская Временная Комиссія для разбора древнихъ актовъ въ короткое время оказала, въ этомъ отношеніи, величайшія услуги Исторіи. Изданный ею I томъ *Лѣтописи Самоила Величκи*, при которой въ приложеніи помѣщенъ *Дневникъ М. Титлевскаго* о Хотинской войнѣ, далъ намъ поводъ, для историческаго сближенія, сдѣлать изъ книги Собѣскаго, довольно рѣдкой, извлеченіе въ переводѣ собственно того, что говорится о Козакахъ, въ послѣдовательности подлинника; а для связи — краткія только изложенія другихъ произшествій.

═

ИЗЪ КНИГИ I.

Давно уже Султаны Турецкіе кипѣли свирѣпымъ мщеніемъ за то, что Запорожскіе козаки, занимаясь грабежемъ, часто сравнивали съ землею ихъ приморскіе города, огнемъ и мечемъ опустошали самыя цвѣтущія провинціи, грабили знаменитѣйшіе и богатѣйшіе торговлею Европейскіе и Азіатскіе базары; иногда въ глазахъ самихъ Султановъ, наслаждающихся роскошью своихъ садовъ, представлялось печальное и жалкое зрѣлище: мстя за ежегодные набѣги Татаръ на Польскія земли,— вблизи Константинополя, къ ужасу могущественной столицы, пылали села зажженныя козаками.

(На самомъ же дѣлѣ были другіе поводы къ разрыву мира Польши съ Турціею. Потоцкій и Корецкій, по родству съ Могилами самовольно взялись за оружіе для возстановленія правъ сихъ послѣднихъ въ Молдавіи. Но были Турками разбиты. По смерти Ахмета ему

наслѣдовалъ сынъ его Османъ. Пылкій Султанъ отвергъ посольство Сигизмунда о возобновленіи прежняго мира. Граціанъ, воевода Молдавскій, подстрекалъ Польшу къ открытой войнѣ. Жолкѣвскій вступилъ съ войскомъ въ Молдавію. Скиндеръ-Паша на рысяхъ прискакалъ въ Яссы. Послѣ жестокой битвы, Поляки потерпѣли страшное пораженіе: Жолкѣвскій палъ, множество пановъ взято въ плѣнъ. Война съ обѣихъ сторонъ сдѣлалась открытою. Вывѣскою надъ Сералемъ конской гривы Султанъ объявилъ личное въ ней участіе. Король созвалъ Сеймъ; послалъ гонцовъ за помощію къ Папѣ Григорію XV, Императору Фердинанду, Англійскому Королю Іакову и др. Всѣ обѣщаютъ участіе на словахъ только. Ходкевичъ избранъ Предводителемъ, помощникомъ—Любомирскій. Назначено поголовное вооруженіе, увеличены налоги. Всего войска собрано было подъ знамя Ходкевича 34,987. Личное участіе долженъ былъ принимать Владиславъ сынъ Короля.)

Запорожскихъ козаковъ считалось до 30,000, но большая ихъ часть, гра-

бя по Подоліи, уклонялась отъ Хотинской войны.

(Многіе Польскіе вельможи на свой счетъ сформировали нѣсколько отрядовъ.)

Въ лагерь доставлено было 28 орудій, у козаковъ было почти столько же.

(Войско до прибытія Ходкѣвича расположилось у Скалы. У с. Репницы онъ присоединился къ войску.)

Ходкевичъ занятъ былъ соображеніемъ—слѣдуетъ ли переходить Днѣстръ, или ожидать непріятеля на самой границѣ, гдѣ Туркамъ доступъ будетъ труднѣе, а для себя напротивъ могутъ быть удобнѣе доставляемы съѣстные припасы и фуражъ, а изъ Польши можетъ въ лагерь подойти всякое подкрѣпленіе.

Между - тѣмъ нѣсколько королевскихъ повелѣній побуждали къ дальнѣйшему ходу: безпрестанныя жалобы Подольскаго Дворянства на грабежи

солдатъ безпокоили вождей; самое мѣсто по ту сторону Днѣпра, способное для лагеря и изворотовъ боеваго строя, нравилось полководцамъ; и наконецъ оставаться въ Брагѣ считалось не совсѣмъ безопаснымъ, затѣмъ-что бы не лишиться сильнѣйшей обороны Запорожскихъ Козаковъ, кои съ гонцемъ объявили Ходкевичу, что они единодушно тогда только присоединятся къ Польскому войску, когда оно войдетъ въ предѣлы Молдавіи, боясь иначе, дабы Польша, заключивъ съ Турками какое-нибудь перемиріе, всѣхъ силъ, собранныхъ противъ могущественнѣйшаго врага, не обратила потомъ на ихъ головы.

(Объявлено приказаніе переходить Днѣстръ; искуствомъ какого-то Русняка или Литовца устроенъ мостъ. Въ войскѣ произошелъ ропотъ на недостатокъ денегъ и припасовъ; но дѣло кой-какъ улажено. Войско перешло Днѣстръ только въ 12-й день и расположилось лагеремъ близъ Хотина.)

До селѣ не было никакой вѣсти о войскѣ Запорожскихъ Козаковъ: къ открытію онаго и присоединенію, оба полководца съ нетерпѣніемъ ожидали Конашевича, начальника легкаго отряда, извѣстнаго давно своимъ усердіемъ. Между-тѣмъ чрезвычайно всѣ обрадовались прибытію Петра Конашевича-*Сагайдачнаго*, такъ прозваннаго Запорожцами, по военному ихъ обычаю, отъ колчана: онъ возвратился изъ Варшавы, гдѣ былъ для свиданія съ Королемъ, и прибылъ съ желаннымъ для своихъ отвѣтомъ, въ полной увѣренности найти козаковъ вмѣстѣ съ Ходкевичемъ. Но они, привыкши къ пьяному и малодушному управленію грубаго породою и низкаго человѣка (котораго за обыкновенную пустую болтовню прозвали Бородавкою, какъ бы *прыщемъ* или *наростомъ*), не столько по руководству его, какъ по не обузданному своеволію, бродили то по Подоліи, то по Молдавіи. Этотъ Петръ Конаше-

вичъ рѣдкимъ остроуміемъ, достойною замѣчанія зрѣлостью сужденій, единственною точностію въ словѣ и дѣлѣ такъ переработалъ происхожденіе, жизнь и простоту своего обычая, что, по сущей справедливости, можетъ быть извѣстенъ въ Польшѣ, какъ знаменитѣйшій свременникъ. Сколько разъ онъ ни предводительствовалъ Запорожскимъ войскомъ,—прославленный подвигами на сушѣ и на морѣ, всегда видѣлъ къ себѣ постоянную благосклонность счастія. На Перекопскихъ поляхъ, нѣсколько разъ разбивая Татаръ, устрашалъ Херсонесъ-Таврическій; съ обширныхъ ихъ пастбищъ угонялъ скотъ, изъ самыхъ тайныхъ ихъ спрятовъ исхищалъ ихъ Русскую добычу......Имя Конашевича не менѣе славно и побѣдами на морѣ: и здѣсь благопріятствовало ему счастіе, доставляя ему всегда вѣрную удачу въ набѣгахъ, разрушая превосходнѣйшія твердыни Европы и Азіи; выжженныя

окрестности Константинополя и въ настоящую, нами описываемую, Хотинскую войну, выказанное необычайное проворство, увеличивало у Турокъ его славу, возраставшую со-дня-на-день. Впрочемъ онъ былъ отваженъ, жаденъ къ опасностямъ, презиралъ жизнь, первый—въ сраженіи, въ бѣгствѣ—послѣдній, мѣтокъ въ рукѣ, въ тѣлѣ ловокъ, бдителенъ въ лагерѣ, ко сну не охочъ, и къ тому жъ, противъ козацкаго обычая, не любилъ пьянства,—за-то не умѣренно привязанъ былъ къ любострастію, ускорившему и жизнь его; въ рѣчахъ, пьяный-ли, трезвый-ли, обдуманъ и кратокъ. Королю и Рѣчи Посполитой всегда вѣренъ, въ обузданіи козацкаго своеволія жестокъ до того, что за малѣйшую вину проливалъ кровь ихъ, отчего дерзская толпа, изъ ненависти, нѣсколько разъ лишала его начальства надъ войскомъ Запорожскимъ. Къ обрядамъ Греческой церкви, питая ревностнѣйшее

уваженіе, онъ былъ непріязненнѣйшимъ врагомъ тѣхъ которые находились въ лонѣ Римской церкви, — отчего, еще до его смерти, по разнымъ подозрѣніямъ, въ народѣ стали носиться слухи, на счетъ не благопріятныхъ его помысловъ къ Польшѣ.

Ходкевичъ, принявъ самымъ благосклоннымъ образомъ *Петра Конашевича*, (единственные доблести коего и заслуги отечеству заставили насъ сдѣлать это небольшое отступленіе), и, почтивши его дарами, нимало немедля отправилъ его, дабы онъ, держась Днѣстра, шелъ встрѣчъ козакамъ съ конвоемъ двухъ легкихъ отрядовъ, Аннибаловъ и Молодецкаго, съ козаками очень дружнаго, отъ частнаго съ ними сношенія и знакомства.

(Стычки и набѣги въ разныхъ мѣстахъ передовыхъ отрядовъ. Фуражиры польскіе открыли было какой-то передовой отрядъ: все засуетилось отъ на-

ническаго страха; начали-было готовиться къ сраженію; но оказалось напрасно.)

Вскорѣ это смущеніе войска перешло въ величайшую радость, вслѣдъ за вожделѣннымъ прибытіемъ вождя Запорожскихъ Козаковъ Дорошенка. Опустошивъ богатѣйшія владѣнія Оріовской области и вконецъ раззоривши Сороку, свидѣтельствуя тѣмъ о первыхъ уже удачныхъ началахъ войны, а вмѣстѣ и свято обѣщая какъ достодолжную покорность не въ далекѣ идущихъ Козаковъ, такъ и ревность ихъ къ государству Польскому, онъ общую тревогу смѣнилъ на ободреніе всего войска. Видно было счастливое предвѣщаніе дальнѣйшихъ успѣховъ.

(Посольство къ Владиславу о скорѣйшемъ прибытіи къ войску. Онъ находился при с. Пробужномъ, имѣя при себѣ 16 орудій и отборное войско польскихъ магнатовъ на ихъ издержкахъ.)

Невѣдомо откуда распространился слухъ о совершенномъ на-голову пора-

женіи Запорожскихъ Козаковъ; молва объ этомъ, по обычаю увеличивалась и, при многочисленныхъ прибавкахъ, по-вела—было къ дурному: въ лагерѣ все опечалилось; вездѣ видна была скорбь начальниковъ и рядовыхъ; невеселые взоры и пониклые головы съ ропотомъ и стономъ (обычными знаками горести)- распространяли по лагерю новую смуту. Ходкевичъ съ безпокойствомъ думалъ и такъ, и сякъ; Лишка и Кулечковскій, начальники легкихъ отрядовъ, сдѣлавъ набѣгъ противъ Степановки и провѣдавъ о Татарскомъ войскѣ, первые подтвердили слухъ. Дѣйствительно Запорожцы, ускользнувъ изъ крайней опасности, сразились съ Турками съ самымъ удачнымъ и счастливымъ успѣхомъ. Восемъ почти дней войско Турецкое жало ихъ; отъ продолжительнаго натиска и свѣжихъ силъ многочисленнѣйшаго непріятеля они-было совершенно истощали, будучи развлекаемы и уменьшаемы разносторон-

ними вылазками для добыванія пищи. Желая извѣдать счастія и испытать воиновъ своихъ, Османъ рѣшился всѣми средствами погубить Запорожцевъ. Около 400 козаковъ, случайно отдалившихся отъ своего войска, скрылись въ пещерахъ какой-то скалы; на ихъ-то пораженіе непріятель обратилъ все свое могущество и силу: придвинувъ орудія, онъ громилъ заключенныхъ въ гнѣздѣ и лишенныхъ всякой человѣческой помощи, Османъ, одинъ и другой день, видя съ негодованіемъ всѣ свои усилія тщетными, рѣшился дѣйствовать голодомъ противъ природы, оградившей ихъ Божескимъ Провидѣніемъ. Отсюду осажденные (а отчаяніе есть великое побужденіе къ славной смерти) съ невѣроятною отвагою сражались противъ врага безчисленнаго и производили удивительную сѣчу съ остолбенѣлымъ и бѣснующимся непріятелемъ; наконецъ изнуренные трудомъ, изможденные го-

лодомъ, разсѣянные ружейными выстрѣлами, тѣ, кои пережили это несчастіе, съ мольбою о пощадѣ, какъ-бы последній вздохъ свой вмѣстѣ съ оружіемъ передали въ руки жесточайшаго тирана. Желая весь ядъ свой, всосанный противъ Козаковъ, отъ предковъ своихъ, изрыгнуть на этотъ, такъ сказать, мясной базаръ людей безоружныхъ, онъ произвелъ страшнѣйшую и постыднѣйшую бойню: въ глазахъ своихъ велѣлъ онъ терзать ихъ разнообразными смертями, и тогда только утолилъ свою необычайную кровожадность, когда, скинувъ свое султанское величіе, и принявъ видъ палача, собственноручно то изъ ружья, то стрѣлами поразилъ нѣсколько жертвъ, привязанныхъ къ деревьямъ. Несчастные преклоняли предъ гнуснымъ звѣремъ покорныя головы, чая оставить тамъ вѣчные слѣды безсмертной славы, гдѣ разставались съ смертною жизнію. Одинъ и

тотъ же жребій облагородилъ тѣхъ, кои прежде неизвѣстны были своими дѣлами и происхожденіемъ, а Османа, чудовище человѣческаго рода, запятналъ вѣчнымъ безславіемъ и неизгладимымъ безчестіемъ!

Обыкновенные набѣги Молдавскихъ разбойниковъ не прекращались, соединясь съ толпою Татаръ, рыскавшихъ для фуража, они учащали набѣги. Подобный случай привелъ было Петра Конашевича въ великую опасность, отъ которой онъ избавился счастіемъ и своимъ мужествомъ. Направивъ путь свой къ Степановкѣ, чтобы найти Запорожское войско, и напавъ протоптанные слѣды довольно широкой дороги, впалъ онъ въ заблужденіе, что то прошли его козаки. а не непріятели. Зажженные Турками, по темнотѣ ночи, частые огни также ввели его въ обманъ: уже онъ радовался близости козацкаго лагеря. На разсвѣтѣ увидѣвши съ противоположной горы острія палатокъ, началъ

отступать; Турецкіе лазутчики стали его преслѣдовать; желая скрыть малочисленность своего конвоя и заманить ихъ къ большему отряду, оставленному далѣе, онъ понадѣялся на одно присутствіе духа и меткость руки; Аннибалъ и Молодецкій были съ нимъ же. Турки наступали жесточе и сильнѣе: потерявши лошадь, ослабленный въ силахъ отъ прострѣленной руки, онъ едва спасся въ ближнихъ лѣсахъ, гдѣ, скрываясь день и ночь, не зная дороги и не имѣя къ тому возможности, изнемогая отъ не перевязанной руки, слабыми шагами направилъ онъ путь къ Днѣстру и, переправясь, не вдалекѣ отъ Могилева нашелъ свой лагерь. Запорожскіе козаки, по обычаю недовольные Бородавкою, единодушно сдѣлали опять Конашевича своимъ начальникомъ: Бородавка заключенъ въ оковы, обвиненъ самымъ войскомъ во многихъ преступленіяхъ и скоро послѣ того у Хотина осужденъ на смерть.

(Всѣ дороги около Польскаго лагеря были безпокоимы ежедневными набѣгами; для удержанія ихъ скрыты были засады; но какъ ни кто потомъ не показывался,—всѣ успокоились.)

Между-тѣмъ нѣсколько Запорожскихъ отрядовъ, отдѣлившихся отъ прочаго своего войска, поспѣшая къ Хотину съ увлеченною добычею изъ Оріовскаго округа подняли густую пыль, издали приняты были за непріятелей и сдѣлались причиною сигнальной тревоги по всему лагерю.

(Непріятель показывается: Кантемиръ дѣлаетъ нападеніе на Польскій лагерь. Боевой строй войска.)

Отсутствіе Владислава и Запорожскаго войска, при разности всего войска противъ его назначенія и разстройствѣ другихъ отрядовъ, производили чувствительный недостатокъ.

(Распорядительность Ходкевича поправляетъ его. Татары обращены въ бѣгство.)

Кантемиръ, видя бѣгство своихъ, самъ бросился за ними, и, случайно наскочивъ на Запорожцевъ, потерялъ много отборнѣйшихъ Татаръ.

(Вѣрное извѣстіе о приближеніи Османа. Лагерь укрѣпляется валомъ и рвами.)

Конашевичъ, расположившійся — было къ вечеру лагеремъ верстъ за десять отъ Хотина, свѣдавъ о приближеніи Турковъ, забылъ объ отдыхѣ послѣ столькихъ понесенныхъ трудовъ, и, не болѣе какъ въ часъ, въ ту же ночь съ Козаками своими придвинулся на равнину, прилегающую къ Днѣстру и ближайшую къ лагерю Ходкевича.

═

ИЗЪ КНИГИ II.

(Прибытіе Османа къ Хотину 2 Сентября. Описаніе Турецкаго войска. Число Турковъ и Татаръ. Турецкая конница. Войска Азіатскія и Европейскія. Орудія. Военная музыка. Боевой строй войска противъ подходящаго Османа. Рѣчь Ходкевича къ войску. Первыя сраженія и стычки. Совѣщаніе. Прибытіе Владислава и его болѣзнь. Нашествіе Нурадина на Польшу. Новое сраженіе съ Турками.)

Войско Запорожское занимало лѣвое крыло.—Произшедшая стычка между передовыми отрядами Запорожскихъ казаковъ и Турецкими лазутчиками была причиною небольшаго напора на Казаковъ; они храбро его выдержали; пѣхота и конница въ свою очередь съ чрезвычайной отвагою кинулась на варваровъ; но чтобы они не ослабѣли отъ наступающихъ силъ Османова войска, отряды Венгерской и Германской пѣхоты, изъ за излучинъ холмовъ и лѣсовъ, неожиданною вылазкою пособили уже утомившимся Запорожцамъ. Ночь прекратила битву.

(Лагерь укрѣпленъ Ходкевичемъ Турки нападаютъ на лагерь: завязалась жестокая битва.)

Между тѣмъ и Козаки имѣли также съ Турками порядочную и жаркую стычку: частые выстрѣлы изъ большихъ и малыхъ орудій не имѣли успѣха. Козаки съ свѣжими силами изъ-за укрѣпленій тамъ вступали въ рукопашный бой, здѣсь метко направляли на нихъ свои выстрѣлы. Турки, видя явно свое пораженіе, бросивъ три полевыя орудія, подъ вечеръ однако опять ими отбитыя, постыднымъ бѣгствомъ прекратили свои первыя нападенія.— Оставивши Польскій лагерь, Турки всѣми своими силами обратились на Запорожцевъ: впродолженіе двухъ почти часовъ не умолкали ихъ орудія, выстрѣлы Янычаровъ также. Но Козаки, утомленные сраженіемъ, дабы не изнемочь подъ огромною силою и свѣжею помощію непріятеля, просили Ходке-

вича о помощи, которая имъ и была подана. Хотя Турки и были отражены Козаками, но этимъ еще болѣе раздражаемые вновь возстановляли свою отвагу и силы: придвинувъ огромныя орудія, втеченіи нѣсколькихъ часовъ до того громили окопы Запорожцевъ, что отъ дыму все казалось покрыто туманомъ. Ходкевичь сознавался, что во всю свою военную жизнь, никогда не видалъ подобнаго рева орудій. Немало погибло лошадей. Запорожцы безъ всякаго для себя вреда скрывались въ собственноручно сдѣланныхъ пещерахъ, и, къ величайшему удивленію, сколько ни брошено было Турками на нихъ бомбъ, ни кто не былъ убитъ, кромѣ одного Васюка (Василія), стараго начальника отряда.

(Отбитые Турки бѣжали.)

Преслѣдуя ихъ, Козаки съ толпою Поляковъ ворвались и заняли Османовъ лагерь; и для совершенной побѣды не

доставало только одной помощи, о которой Конашевичъ просилъ обоихъ Полководцевъ. Но Ходкевичъ, видя уже заходящее солнце, не рѣшился отдаться на произволъ ночи.—Это неожиданное вторженіе Запорожцевъ произвело великое смятеніе въ Турецкомъ лагерѣ: всѣ званія и чины поражены были ужасомъ; самъ Османъ, прежде не вѣрившій, что нѣтъ ничего столь прочнаго подъ солнцемъ, чему бы слабый не причинилъ опасности, увидѣлъ теперь въ какомъ бѣдствіи было его тщеславіе.

(Польскіе рядовые подъ ложнымъ предлогомъ измѣны, вырѣзали преданныхъ Польшѣ Молдаванъ.)

Между тѣмъ Турки, сдвинувъ лагерь свой съ прежняго мѣста, приблизили его къ укрѣпленіямъ Польскимъ, такъ что нижняя его часть, къ Днѣстру,—была едва не вровень съ окопами Запорожскихъ Козаковъ.

(Посредствомъ подкупа нѣкоторыхъ Подольскихъ крестьянъ, Турки стараются зажечь Польскій лагерь.)

Одинъ житель с. Ржепницы, верстъ за 20 отъ Каменца, посланъ былъ для сего вѣроломства, но, къ счастію попался въ руки Запорожцевъ, и, приведенный въ лагерь, послѣ разныхъ пытокъ, обнаружилъ всю турецкую хитрость и всѣхъ участниковъ этаго злодѣянія.

(Непріятельскія дѣйствія съ обѣихъ сторонъ продолжаются. Сильное нападеніе Турковъ приводитъ въ замѣшательство Поляковъ. Жестокая битва.)

Въ пылу битвы Турки нападали то на лагерь Запорожскихъ Козаковъ, то на укрѣпленіе Лермунта и Венгерской пѣхоты; но коль скоро Козаки и пѣхота, выступивъ въ поле, вступили съ ними въ рукопашный бой,—немедленно всѣ Турецкіе отряды были прогнаны съ немалымъ для нихъ вредомъ.

(Слѣдующій день занимались исправленіемъ укрѣпленій. На другой день Турки устремляются на станъ Любомирскаго.)

Для отвращенія нападенія со стороны Татаръ, разположено было въ сосѣднихъ лѣсахъ около 2000 спѣшенныхъ Запорожцевъ.

Янычары не поражали уже Запорожскихъ Козаковъ огромными орудіями, а ружьями; но Козаки, соединившись съ Германскою пѣхотою, вышедши изъ-за укрѣпленій, многихъ положили на мѣстѣ, остальныхъ прогнали безъ малѣйшаго для себя ущерба.

(Между-тѣмъ въ лагерѣ Польскомъ открывается смертность-и побѣги: многіе благородные воины кроются въ повозкахъ межъ сухарями! Падежъ лошадей за недостаткомъ фуража. Недостатокъ въ порохѣ.)

Столько соединившихся вмѣстѣ затрудненій принудили Ходкевича, для собственной пользы согласиться на по-

вое намѣреніе—напасть ночью на Турецкій лагерь, каторый, не укрѣпленный ни валомъ, ни окопомъ, представлялъ къ сему удобный случай. Благопріятствовала къ тому и самая ночь, способствуя къ сей военной хитрости своею темнотою, тѣмъ болѣе, что плѣнные и переметчики говорили будто Турки, удаляя лошадей, роскошно спали, снимая не только оружіе, но даже одѣяніе.

Не менѣе ободряло къ этому и не давнее нападеніе Запарожскихъ Козаковъ, днемъ такимъ ужасомъ наполнившихъ варварское войско, что хотя они и не одержали совершенной побѣды, но однимъ уже нечаяннымъ нападеніемъ причинили между непріятелемъ страшное кровопролитіе.

На эту мысль и больной Владиславъ изъявилъ свое согласіе. Вслѣдствіе чего *Петръ Канашевичъ*, именемъ своимъ и всего Козацкаго войска до-

магался такого нападенія. Дальновидный Ходкевичъ, боясь жадности Козаковъ къ добычѣ, не хотѣлъ позволить дѣйствовать тайно, помня, что издревле славные полководцы считали за лучшее сражаться съ непріятелемъ открыто, а потому и самъ онъ, состарѣвшись въ такой школѣ оружія, испытывалъ до селѣ счастія войны открытою грудью, а не лукавствомъ. Однакожъ сколько ни размышлялъ объ этомъ, хотя всегда останавливался на такой важной мысли; но чтобы не противудѣйствовать благопріятнымъ успѣхамъ, уступилъ мнѣнію и соображенію другихъ. Между-тѣмъ непріятели, переправивши на другую сторону четыре большихъ орудія, безъ успѣшно громили лагерь Запорожцевъ: они немного понесли вреда, только погибло нѣсколько лошадей, да убито десять простыхъ козаковъ съ Якиноомъ, начальникомъ одного отряда. Предположено было напасть разомъ на обѣ ча-

сти Османова лагеря; на низшую часть, прилежащую къ Днѣстру и сосѣднюю съ Козаками, должны были кинуться 20,000 Запорожцевъ.

(Для нападенія на другую часть— отъ лѣсу—назначены были другіе отряды. Опредѣленъ условный знакъ — и время.)

И когда все уже было на готовѣ и ждали только зари, вдругъ при чистомъ небѣ началъ падать дождикъ, усилившійся до того, что Запорожцы, находясь уже близъ Турецкихъ лагерей, извѣщали Ходкевича о совершенной невозможности стрѣлять изъ замоченныхъ ружей, и, остановясь, послали сказать настоятельно, что при скоромъ разсвѣтѣ, пробудившіеся непріятели не открыли бы ихъ хитрости.

(Чрезъ три дня хотѣли опять исполнить; но ихъ намѣреніе было открыто.)

Однако въ ту же ночь не большой

отрядъ Запорожцевъ, переправясь чрезъ Днѣстръ, всѣхъ Турковъ, найденныхъ имъ на пастбищахъ, сонныхъ истребилъ, а табунъ угналъ въ лагерь

Прежде нежели разскажемъ объ дѣлѣ, которое Комиссары имѣли съ Запорожцами (такъ какъ мы видимъ, что слава объ нихъ далеко распространяется), кажется кстати и не неприлично будетъ сказать о ихъ происхожденіи, обычаяхъ и установленіяхъ, какъ слышали мы отъ людей опытныхъ и какъ видѣли сами. Всѣ они произошли изъ Россіи, хотя есть много между ними обезславленныхъ дворянъ изъ Малой и Великой Польши, также нѣсколько Германцовъ, Французовъ, Итальянцовъ, Испанцовъ, изгнанныхъ за проступки; всѣ они обязаны исполнять обряды Греческой Церкви, говорить русскимъ языкомъ; забывъ знатность, если оная была, своего происхожденія, принять простыя прозванія и, презрѣвъ изнѣженность, вести

жизнь суровую. Ихъ предки утвердили жилища свои на мѣстахъ, укрѣпленныхъ самою природою, у Днѣпра, внизъ по его теченію. Древніе географы называли мѣста эти catadupoi — стремнинами, а нынѣ на ихъ природномъ языкѣ *порогами.* Тамъ до испорченности своего искуства, жили они раздѣляясь на отряды и полки, въ безпрекословномъ повиновеніи и безпрестанномъ боевомъ упражненіи, и, заключенные какъ въ гнѣздѣ, ни для какихъ другихъ занятій не покидали этого мѣста. Добывая скудную пищу то охотой, то рыболовствомъ, во всемъ хранили умѣренность: удаленные отъ сношенія съ городами, незнакомые или вовсе, или мало съ домашнимъ хозяйствомъ, чуждые невоздержанія и роскоши, ничемъ другимъ align незанимались, кромѣ оружія. Съ частою удачею сражались противъ Турковъ на поляхъ Очаковскихъ, и, славу предпочитая богатству, не переставали морски-

ми набѣгами опустошать Турецкія владѣнія. Войско ихъ состояло только изъ нѣсколькихъ тысячъ; они уважали военныя степени, старымъ и заслуженнымъ воинамъ оказывали величайшее почтеніе. Почему мудрые Польскіе Правители, давая имъ права, преимущества и извѣстную свободу, съ великою благосклонностію ласкали своихъ воинственныхъ подданныхъ и всегда оказывали имъ сильное покровительство. Съ теченіемъ времени, когда испорченность вѣка коснулась и ихъ древнихъ обычаевъ, со дня - на день стала возрастать эта ватага. Уже воинами назывались не изъ храбрости и не по заслугамъ, а давали такое названіе всякому земледѣльцу, или ремесленнику, бѣглому изъ Русскихъ владѣній. Эта слабая деревенская толпа не могла уважать старыхъ воиновъ, и произшедшіе оттого зависть и раздоръ возмутили древній составъ Козачества: умѣренность—перешла въ гра-

бежъ, порядокъ—въ бореніе, покорность—въ своеволіе; съ грабежемъ скитались безпорядочно по Руси, Литвѣ, воеводству Кіевскому и Брацлавскому; все уступало ихъ алчности: церкви, казнохранилища, имущества дворянъ; и вотъ войско Польское, подъ предводительствомъ Станислава Жулкевскаго, сразилось съ Наливайкомъ, ихъ войсковымъ начальникомъ, и онъ, разбитый и схваченный съ своими участниками на Варшавскомъ Сеймѣ, получилъ достойную кару. Но не только силою старалась Польша усмирить ихъ своеволіе; чрезъ содѣйствіе главнѣйшихъ лицъ разными мирными условіями, хотѣла обратить ихъ къ прежнему порядку. Всякой разъ какъ предпринимали какой-либо походъ, ихъ многочисленное войско грабило Польскія владѣнія; возвратясь съ похода, селились они, какъ какія-нибудь колоніи, по городамъ и селамъ, казеннымъ и господскимъ, и уже освобождали себя

отъ повиновенія начальникамъ и правителямъ. Весьма не многіе изъ старыхъ воиновъ остались на Днѣпровскихъ жилищахъ, прочіе, обогатившись пріобрѣтенною добычею, съ женами и дѣтьми занялись хозяйствомъ; а привыкнувъ къ покою, вошли въ судебныя распри, и многіе изъ нихъ исправляютъ должности въ Сеймѣ, исповѣдывая обряды Греческой религіи, нападаютъ на Латинскіе и не признаютъ власти Западной т. е. Римско-Католической Церкви. Не давно Польша постановила имѣть ихъ на жалованьи, и для сего въ Кіевъ ежегодно отправляется опредѣленная сумма денегъ. Верховную власть надъ войскомъ имѣетъ у нихъ Атаманъ, который вмѣсто всякихъ знаковъ достоинства носитъ булаву, сдѣланную изъ тростника, и какъ безпорядочно избирается не голосами, а крикомъ и киданіемъ шапокъ на избираемаго, то также часто и лишается своей власти по прихоти непостоян-

ной черни; впрочемъ доколѣ онъ въ своей должности, онъ властенъ надъ жизнію и смертію каждаго изъ козаковъ. Второе почетное мѣсто имѣютъ четверо войсковыхъ совѣтниковъ, называемыхъ Асаулами, съ главнымъ помощникомъ, называемымъ намѣстникомъ Атамана. За ними слѣдуютъ начальники куреней, орудій, полковъ, потомъ—сотники и войсковый писарь, который ведетъ всѣ счоты и издержки, и, по совѣщанію съ монахами Греческаго исповѣданія, пишетъ къ Государю и вельможамъ. Въ Трехтемировѣ, мѣстечкѣ Кіевскаго Воеводства, подаренномъ имъ отъ Короля въ вѣрную память ихъ заслугъ, хранятся, съ согласія войска, Атамана и Совѣтниковъ, ихъ привилегіи, военныя орудія, разныя трофеи, полученные ими изъ разрушенныхъ Турецкихъ твердынь, всѣ снарядьі, и Королевскія знамена, которыя имъ, всякой разъ когда они вооружались за Польшу, даваемы

были въ знакъ особенной милости. Когда случалось въ войскѣ какое-либо важное дѣло, Атаманъ всю чернь сзывалъ въ общее собраніе, и, принявъ видъ важный и почтительный, поклонясь нѣсколько разъ собранію, всходилъ на опредѣленное мѣсто, и, открывши голову, подъ Королевскимъ знаменемъ, когда прочіе сидѣли, онъ одинъ съ четырьмя совѣтниками, стоя, привѣтною рѣчью излагалъ сущность дѣла, слѣдовавшаго къ разсужденію. Потомъ или судилъ какое-нибудь случившееся преступленіе, или смиренно просилъ у войска благосклонности въ собственную пользу. Здѣсь онъ обязанъ былъ давать отчетъ въ возложенной на него должности, и, буде бы захотѣлъ еще продлить ее, просить объ этомъ всю громаду. Коль скоро получалъ отказъ, голосомъ и движеніемъ показывали они, что онъ лишался всеобщаго уваженія и покорности его волѣ. Когда

войсковый Атаманъ къ нимъ говорилъ, выслушивали его съ чрезвычайнымъ вниманіемъ, а потомъ каждый громко высказывалъ свое мнѣніе. Долговременная опытность научила ихъ морскимъ битвамъ: они разъѣзжали на лодкахъ, къ которымъ по бокамъ, противъ бурь и волнъ привязывали связки тростника, на подобіе свитковъ, и съ неимовѣрною быстротою часто овладѣвали тяжелыми трирядовесельными Турецкими судами. Многіе изъ нихъ не употребляли сабель; но ружьями владѣли всѣ: вотъ почему Короли Польскіе могли съ ними устоять противъ пѣхоты сильнѣйшихъ Государей. Лагери свои искусно обставляли въ нѣсколько рядовъ повозками, ограждали на подобіе сильнѣйшей крѣпости, называемой *таборомъ*, и, наслучай непріятельскаго нападенія, тамъ ихъ последнее убѣжище. Эти то Запорожцы, призванные на войну противъ Турковъ, присоединясь позже, какъ слѣдовало,

къ Польскимъ лагерямъ по причинѣ, какъ мы уже упомянули, безпечнаго Бородавки, и не запасшись нужными съѣстными припасами до прихода непріятеля, хотя въ довольномъ количествѣ надѣляемы были отъ Польскихъ воиновъ какъ сѣномъ, такъ и сухарями; но какъ сего недостаточно было на все количество войска, то и имъ пропорція уменьшалась. Козаки же, со-дня-на-день болѣе и болѣе смущаясь не переставали частымъ ропотомъ безпокоить Петра Конашевича, который изъ преданности къ Правительству извѣстилъ Ходкевича и Комиссаровъ о возникающемъ мятежѣ въ своемъ войскѣ, прося настоятельно заранѣе прекратить зло. Одни изъ Запорожцевъ просили посольства, другіе, требуя непомѣрной награды, постыдно (по обычаю черни) торговались. Владиславъ, имя котораго у нихъ въ чрезвычайномъ уваженіи, посовѣтовавшись съ Полководцами и Комиссарами,

послалъ къ нимъ въ лагерь Петра Опалинскаго, Познанскаго Кастеллана, Любомирскаго и Якова Собѣскаго съ справедливыми предложеніями для общаго блага. Когда пришли они на общее совѣщаніе, то Петръ Конашевичъ принялъ ихъ съ большимъ почтеніемъ. Оба сотоварища рѣшили, чтобы говорилъ съ Козаками Собѣскій, какъ человѣкъ испытанный многими и важными случаями въ бытность его въ Московской войнѣ. Не надобно было говорить много: сего требовало и нетерпѣніе слушавшихъ и самое время. И такъ въ короткихъ словахъ, но почтительно, именемъ Владислава, Ходкевича и Комиссаровъ, исчисливъ ихъ заслуги Государству и одобривъ настоящее ихъ повиновеніе, Собѣскій умолялъ, ради жизни самаго Владислава, въ такое критическое для Государства время и крайней почти опасности, не забывать христіанства, отечества и вѣковой славы. Въ вознаграж-

деніе же убытковъ, при самыхъ тѣсныхъ обстоятельствахъ Государственной казны, предлагалъ имъ 50,000 флориновъ. Просилъ только, чтобы они, безъ жалобъ и вопля отъ нихъ русскихъ провинцій, на извѣстныхъ мѣстахъ ожидали обѣщанной суммы. Голодная чернь, незнакомая съ боязнію, съ неудовольствіемъ приняла это, и общимъ говоромъ роптала и на неравную убыткамъ награду и на неопредѣленное время уплаты. Однако съ помощію Петра Конашевича и другихъ полковыхъ старшинъ, приготовивши прежде умы ихъ, легко согласили на все; одного только они рѣшительно требовали (на что и мы согласились), чтобы наши обѣщанія утвердить документально: почему собственноручно подписавши и утвердивши печатьми Ходкевича, Сенаторовъ, бывшихъ въ походѣ и Комиссаровъ, какъ можно скорѣе, извѣстили объ этомъ Короля.

(Посольство въ станъ Османа для мирныхъ переговоровъ, гдѣ между прочимъ было упомянуто:)

Если Турки раздражаемы были обыкновенною дерзостію Козаковъ, то, слѣдуя обычаямъ союза и дружбы Государей, прежде слѣдовало или письменно, или чрезъ посольство потребовать удовлетворенія, а не объявлять войны Ибо, для поддержанія дружбы съ Турками, Польша со всѣмъ усердіемъ и готовностію всегда старалась обуздывать своеволіе Запорожцевъ: между-тѣмъ-какъ надо было усмирять Козаковъ, а развлеченныя и разорванныя силы Государства вмѣсто того принуждены были противудѣйствовать Татарамъ. И такъ если бы набѣги Татаръ на Польшу удерживаемы были однимъ трепетнымъ для нихъ мановеніемъ Османа, то и Польша бы блюла, чтобы Козаки не дѣлали вреда Туркамъ.

(Переговоры неимѣли успѣха. Непріязненныя дѣйствія возобновились. Побѣги усиливаются. Ходкевичъ, больной, сзываетъ армію и говоритъ рѣчь. Войско ободряется.)

И Петръ Конашевичъ, бывшій тутъ же съ главнѣйшими начальниками полковъ Запорожскихъ, не уклонился ни мало отъ единодушія всего войска, такъ что эта грубая толпа ревновала въ своей готовности мужамъ благороднѣйшимъ (*):

Въ ту же ночь Запорожскіе Козаки осьмитысячнымъ отрядомъ ворвались въ нижнюю часть Турецкаго лагеря, гдѣ былъ станъ убитаго Каракашъ-Паши: пользуясь благопріятною темнотою ночи, съ небольшимъ усиліемъ заняли палатки и, расхитивши ихъ, перебивши Турковъ спокойно и безпечно спавшихъ, захватя лошадей, верблю-

(*) Но конечно не тѣмъ, которые, по свидѣтельству самаго Собѣскаго, укрывались въ повозкахъ межъ сухарями.

довъ, блестящее красное знамя Каракашъ-Паши, какъ военоначальника, и множество разнаго рода вещей, благополучно возвратились въ свой лагерь.

(Владиславъ собираетъ совѣтъ по случаю усилившейся болѣзни Ходкевича. Дѣйствія продолжаются.)

Между тѣмъ Запорожцы тревожили непріятеля ночными нападеніями, и по ту сторону Днѣстра занявъ ихъ палатки, однихъ сонныхъ изрубили, другихъ заставили въ бѣгствѣ чрезъ мостъ искать спасенія отъ нежданной гибели. Однако Козаки, ища одного грабежа, вмѣсто совершенной побѣды унесли съ собою одну только добычу. Этотъ нечаянный случай привелъ было въ величайшую опасность втораго визиря Узаима: онъ тамъ же ночевалъ и едва ускользнулъ изъ рукъ одного козака; бросивъ дорогое платье, чалму, поясъ, оружіе и деньги, знаменитый этотъ мужъ, блуждая всю ночь въ рощѣ и найдя тѣсную

пещеру, покрытую вѣтвями дерева, припрятался въ ней какъ могъ и съ разсвѣтомъ, полуживой отъ страха и едва узнанный Турками, пришелъ къ своему мосту.

(Ходкевичъ умеръ—24 Сентября.)

Козаки растравленные частою добычею, двухтысячнымъ отрядомъ, съ Венгерскою пѣхотою и множествомъ деньщиковъ и фурщиковъ, ночью отправились на другую сторону Днѣстра; обычною хитростію завладѣли нѣсколькими Турецкими палатками, многихъ Турковъ изрубили, другихъ, разсѣявшихся отъ одного крику и обратившихся въ бѣгство, потопили въ Днѣстрѣ.

Уже Запорожцы заняли-было Турецкій мостъ, съ чрезвычайнымъ трудомъ и искуствомъ Волохами и молдаванами по волѣ Османа построенный, разрушили его съ небольшимъ усиліемъ, но—(о, если бы они умѣли такъ поль-

зоваться побѣдою, какъ побѣждать!) истративъ время на грабежъ, крикомъ разбудили Турковъ въ ихъ лагеряхъ, и дали время прекратить все нападеніе.

(Описаніе жизни Ходкевича.)

ИЗЪ КНИГИ III.

Неповиновеніе Литовскихъ полковъ. Замыслы Турковъ. Турки дѣлаютъ жесточайшее на Поляковъ нападеніе въ день Св. Вѣнцеслава. Назначается и отправляется посольство въ лагерь Османа. Описаніе Турецкихъ лагерей. Занятія посольства съ Валахскимъ Палатиномъ. Первый разговоръ пословъ съ Радуломъ.

Чтобы лучше шли переговоры объ условіяхъ мира, Радулъ, присланный къ посламъ вывѣдать ихъ мнѣніе, сначала выставилъ прежнія ссоры за границы, которыя съ обѣихъ сторонъ положено было прекратить Комиссарамъ. За тѣмъ Радулъ, сильно недовольный на Запорожскихъ Козаковъ за ихъ грабежи, требовалъ имъ строгаго наказанія. Но

послы довольно обширно разкрыли ему сущность сей жалобы, что источникомъ своеволія Козаковъ—безпрестанные набѣги Татаръ, опустошающихъ богатѣйшія провинціи Королевства, отчего множество крестьянъ, доведенныхъ до крайней бѣдности, самовольно скидаютъ съ себя ярмо повиновенія господамъ своимъ, отъ бѣдствій ищутъ утѣшенія въ отчаяніи и, кидая собственные домы, для пристанища стремятся за знаменами Козаковъ, одушевляясь мщеніемъ, или добычею. Несмотря на то, чтобы поддержать священный союзъ съ Турками, Польша старалась частыми запрещеніями и постановленіями удерживать ихъ дерзость, часто бралась за оружіе противъ непокорныхъ, и давно бы уже наказала ихъ, если бы ея силы не были развлекаемы вторженіями Татаръ. Гораздо большая вина лежитъ на Козакахъ, живущихъ по Дону, подданныхъ Великаго Князя Московскаго, которые,

прикрывая свои разбои именемъ Запорожцевъ, все лѣто не прекращаютъ морскихъ набѣговъ. Когда Валахскій Воевода выставилъ недавнее опустошеніе Оріовскаго и Сорокскаго округовъ и рѣшительно требовалъ выдачи Осману Козацкихъ старшинъ: послы ни чего болѣе не приводили въ извиненіе какъ только то, что, послѣ объявленія Турками войны, по народному обычаю, позволительно дѣйствовать непріятельски: для древней же честности и довѣренности Поляковъ неприлично бы было, принявъ союзниковъ подъ защиту отъ непріятеля общаго отечества, выдать ихъ на произволъ грознаго Государя, и тѣмъ заслужить себѣ вѣчное безславіе. Если же Запорожцы должны быть наказаны, какъ нарушители союза, то такой же кары заслужили Бернацкій, Кантемиръ и весь этотъ Татарскій сбродъ.

(Послѣ дальнѣйшихъ переговоровъ о другихъ предметахъ)—

Константинъ Веверли уговаривалъ пословъ, чтобы они въ лагеряхъ, или въ Каменцѣ, предали смерти и казнили бы въ виду ихъ нѣсколькихъ Запорожцевъ за разныя злодѣянія. Сей изобрѣтатель коварства старался распущеннымъ слухомъ разъединить Козаковъ съ Поляками, возбудивъ въ нихъ непріязнь къ Владиславу, и тѣмъ Польскій лагерь лишить значительной помощи. Но вымышленный обманъ неудался, и послы не вѣрили лукавымъ обольщеніямъ хитраго человѣка.

Визирь, испытавши пословъ чрезъ Воеводу Валахскаго, рѣшился дѣйствовать своею властію. И такъ, позвавши ихъ для тайныхъ переговоровъ, требовалъ мщенія Запорожскимъ Козакамъ и постоянную дань подарками, кои должны быть присылаемы въ Константинополь.

(Переговоры Визиря съ послами. Собѣскій отправляется въ Польскій ла-

геръ для окончательныхъ совѣщаній съ Владиславомъ. Новые переговоры пословъ съ Визиремъ.—Послы допущены къ Осману. Описаніе пышности и личности Османа Радость о заключеніи мира. Содержаніе мирнаго трактата, въ коемъ между прочимъ:)

Поляки запретятъ Запорожцамъ плаваніе по Днѣстру; по жалобамъ на нихъ за обиды, нанесенные подданнымъ Османа, они будутъ тяжко наказаны—

Собѣскій съ Лесневскимъ отъ имени Владислава и прочихъ Комиссаровъ, объявили Запорожскимъ Козакамъ условія мира, изъясняя, что, не смотря на усильное требованіе Турковъ—выдать изъ Козаковъ главнѣйшихъ для жестокаго ихъ наказанія,—соблюдая данное честное слово, послы отстояли ихъ безопасность, соединенную съ достоинствомъ Польши, и ничего не позволили включить въ договоръ, что могло бы опозорить Запорожское войско. Нако-

нецъ именемъ Рѣчи Посполитой убѣждалъ Конашевича, другихъ чиновъ и все войско, чтобы они хранили свято условія, и воздержались бы отъ грабежей по Черному морю и на всѣхъ водахъ, принадлежащихъ Оттоманской Имперіи. Конашевичъ въ немногихъ, но покорныхъ словахъ, отвѣчалъ, что они нижайшіе слуги Его Королевской милости и Рѣчи Посполитой, и что ни въ какомъ случаѣ они не могутъ и не хотятъ противиться народнымъ постановленіямъ. Однако когда Конашевичъ спросилъ у Владислава—о средствахъ и способѣ отступленія своего войска и когда получилъ обѣщаніе — на - завтре объ этомъ подумать: безъ вѣдома Любомирскаго, самъ-собою, перешелъ чрезъ Днѣстръ, къ величайшему негодованію всѣхъ Поляковъ.

(Мирный трактатъ ратификованъ. Печальная картина возвращающагося Польскаго войска. Турецкій мостъ на

Днѣстрѣ. Умыслы Татаръ. Нападенія Татаръ на возвращающихся Поляковъ. Заключеніе.)

Ѳедоръ Китченко.

(Изъ 47, 48, 49 и 50 № Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей, 25 Ноября, 2, 9 и 16 Декабря 1849 года).